

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S1605788024050121

Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц

© 2024 г. А. С. Глаголева

Младший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
glagoleva.anastasiia@mail.ru

Резюме. В статье рассматриваются глаголы, ставшие диахронной основой для формирования частиц на разных этапах развития языка, а также семантические трансформации, сопровождающие процессы партикуляции. В качестве материала используются контексты из Национального корпуса русского языка (панхронический и параллельный корпус; корпус социальных сетей) и из нескольких современных интернет-источников.

В результате исследования определено, что продуктивными для партикуляции глаголами являются *видеть* и *глядеть*; производные от них частицы выполняют различные дискурсивные и прагматические функции, маркируя желание говорящего обратить внимание на что-либо ввиду его потребности в интерактивности коммуникации.

Ключевые слова: глаголы, частицы, семантический переход, грамматикализация.

Для цитирования: Глаголева А.С. Глаголы со значением зрительного восприятия как основа для формирования частиц // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 5. С. 137–149. DOI: 10.31857/S1605788024050121

Verbs with the Meaning of Visual Perception as the Basis for the Formation of Particles

© 2024 Anastasiya S. Glagoleva

Junior Researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18-2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia
glagoleva.anastasiia@mail.ru

Abstract. The article examines verbs that have become the diachronic basis for the formation of particles at different stages of language development, as well as semantic transformations accompanying the processes of particularization. The material uses contexts from the National Corpus of the Russian language (panchronical and parallel corpus; the corpus of social networks) and from several modern Internet sources.

It was determined that the verbs productive for particularization are to *vider'* and *glyadet'*; the particles derived from them perform various discursive and pragmatic functions, marking the speaker's desire to pay attention to something due to his need for interactivity of communication.

Key words: verbs, particles, semantic transition, grammaticalization.

For citation: Glagoleva, A.S. *Glagoly so znacheniem zritel'nogo vospriyatiya kak osnova dlya formirovaniya chastic* [Verbs with the Meaning of Visual Perception as the Basis for the Formation of Particles]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 5, pp. 137–149. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024050121

1. Введение

Традиционно дифференциация частиц в аспекте их происхождения определяется по признаку производности или непроизводности [1], при этом в поле зрения исследователей при изучении истории частиц нередко попадают оба типа (см., например, работу Т.М. Николаевой [2] о партикулах, в традиционной лингвистике признающихся непроизводными частицами; работу А.А. Зализняка [3] о древнерусских энклитиках, а также исследования [4]; [5]; [6]; [7] и др., посвященные синхронному и диахронному описанию частиц; сведения о производных и непроизводных частицах в этимологических словарях [8]; [9]; [10]; [11] и многие другие). Исследование развития производных частиц, также относящихся к категории дискурсивных единиц, тесно связано с явлением грамматикализации: «Существует целый ряд исследований, посвященных развитию дискурсивных маркеров из лексических единиц и конструкций и использующих аппарат современной “теории грамматикализации”» [12, с. 52]. Глагольные формы, как будет показано ниже, имеют высокий потенциал для формирования частиц, однако на современном этапе развития языка этот процесс может быть незавершенным, а производные языковые единицы могут функционировать как частицы с сохранением отдельных значений глагола.

Границы класса глаголов зрительного восприятия очерчены в современном научном дискурсе не вполне определенно (подробный обзор диапазона имеющихся исследовательских мнений представлен в работе Г.А. Карпушевой [13]). К ядру данной лексико-семантической группы возможно отнести прямые номинации зрительной перцепции — *видеть* и *глядеть* (квазисиноним глагола *смотреть*)¹.

2. Видеть и вишь, ишь

Глагол *видеть* описывается в лексикографических источниках набором значений: 1. ‘иметь зрение’; 2. ‘воспринимать зрением’; 3. ‘сознавать, понимать, чувствовать’; 4. ‘принимать за кого-л.’ [15]. Разнообразие сем, соотносящихся с восприятием окружающего пространства, способствует развитию метафорического потенциала во вторичных значениях и их оттенках, выделяемых в словарном описании глагола: ‘мысленно

представлять; испытывать, переживать’, ‘находить, обнаруживать’. Кроме того, широки его словообразовательные возможности: по данным словаря А.Н. Тихонова [16, с. 92] от глагола *видеть* образуются 42 деривата; их список, по-видимому, не ограничивается приведенными в словаре единицами.

В историческом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [17, с. 174] зафиксировано также значение расширенного восприятия ‘наблюдать что-л., воспринимая зрительно и на слух’, а также употребление в качестве вводного слова ‘видно, как видно’. В более позднем «Словаре русского языка XVIII в.» [18, с. 156], а также в большинстве словарей современного русского языка (см. [15]; [19], а также [20, с. 104–105]; [21]) указанные значения уже не выделяются. На периферии глагольной семантики в «Большом универсальном словаре русского языка» [20] фиксируется ряд употреблений *видеть* в качестве компонента вводного словосочетания *видит Бог, видите ли*. В «Академическом толковом словаре русского языка» [22, с. 658–659] вводное слово *видите ли* дается в терминологии, близкой к описанию частиц, и приводится со значением ‘употребляется при желании обратить внимание на что-л., подчеркнуть что-л.’, которое в значительной мере соотносится со значениями частицы *вишь* в том же словаре: ‘употребляется для привлечения внимания к чему-л., указания на что-л.’, ‘употребляется для выражения удивления, неудовольствия и т.п. (в сочетании со словами: «как», «какой», «сколько»)» [23, с. 30]. Дифференциация вводных слов и частиц является актуальной проблемой: как отмечено в «Русской корпусной грамматике», вводные слова рассматриваются как синтаксический класс, примыкающий к частям речи [24, с. 32], а в РГ-80 [25, с. 229] отмечено, что, «вводные слова <...> объединяются специфической и единственной для них функцией, противопоставляющей их всем другим классам слов и сближающей их с модальными частицами: они всегда так или иначе характеризуют сообщаемое с позиций говорящего, выражают отношение говорящего к сообщаемому».

Этимологические словари также возводят *вишь* к *видеть*. М. Фасмер отмечает, что, согласно мнению А.И. Соболевского и Н.Н. Дурново, *вишь* является старой формой 2 лица единственного числа повелительного наклонения *вижь* (старославянский аналог — *виждь*). По мнению самого М. Фасмера, *вишь* — фонетическое сокращение от *видишь* [9]. Аналогичная позиция отражена в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова [26]: «Вишь, частица

¹ Здесь приводятся только наиболее продуктивные для формирования частиц глаголы, вне аспектуальных пар, так как для глаголов восприятия характерно общефактическое результирующее значение ([14, с. 118]), имплицитно предполагающее наличие результата.

(сокращение слова *видишь*, происшедшее в устной речи) (простореч., обл.), а также в «Русском этимологическом словаре» А.Е. Аникина [27, с. 287]: «аллегроформа из *видишь* 2 ед. през. к *видеть*. <...> Менее вероятно, что речь идет об отражении формы типа др.-рус. *вижь* 2 ед. импер. того же *видеть*».

В ряде случаев глагольное значение презенса *видишь* проявляется в *вишь*, в особенности при употреблении глагольной формы и частицы в пределах одного дискурсивного высказывания:

(1) «Время ненадежно: ветер слегка подымается; — *Вишь*, как он сметает порошу». — *Что ж за беда! «А видишь там что?»* (Ямщик указал кнутом на восток.) — *Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба* [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)]².

(2) — *Одна, вишь, четверть лошади приходится, изволице видеть, на каждую какую-то там квадратную, что ли, душу* [Г.И. Успенский. Живые цифры (1888)].

(3) — *Не лаяй, говорят, — проговорил Ергушов, подсыпая порох на полку ружья. — Вишь, не шелохнется, уж я вижу. До утра недалеко, дай с кордона прибегут* [Л.Н. Толстой. Казаки (1863)].

(4) — *Какой Норич! Болван!.. Любопытно, вишь, мне знать, видел ли ты Норича! Что я его не видал, что ли, никогда!* [Е.А. Салиас. Кудесник (1885)]³.

Пример (1) иллюстрирует взаимозаменяемость *вишь* и *видишь* в вопросительных конструкциях: фразы *вишь* (= *видишь*), *как он сметает порошу* и *видишь* (= *вишь*) *там что* одинаково естественны в обоих вариантах. В этом контексте функционирование и значение *вишь* практически совпадает с глагольным употреблением в значении зрительного восприятия и может являться отражением фонетической синкопы, характерной для разговорной речи и использующейся в художественном тексте для стилизации речи ямщика.

Пример (2) демонстрирует большую свободу от глагольного значения, которая выражается в формировании вводного словосочетания из глагольной формы *видеть* с модальным императивным *изволице*, и выполнение частицей *вишь*, соответственно, функции акцентирования внимания адресата речи на расчетах, важных для говорящего.

В примерах (3) и (4) параллелизм частицы и глагола нивелирован именно прямым значением глагола: *я вижу* — подтверждение достоверности

высказанного ранее через восприятие зрением, *видел ли ты* — косвенный вопрос, целью которого также является верификация, а *не видал что ли никогда* — языковая игра, основанная на уточнении временных рамок действия по глаголу *видеть*. Частица же в этих контекстах выполняет именно дискурсивную функцию установления достоверности в примере (3) и причинности в примере (4), хотя и допускает замену на глагольные формы *видишь* и *видишь ли*.

При этом во всех контекстах, кроме (4), также стабильно проявляется семантика императивности. Повелительное наклонение «одновременно выражает желание говорящего, чтобы некоторое действие было совершено (не совершено) и является попыткой заставить адресата реализовать это желание» [29, с. 498]; кроме того, в исследовании В.С. Храковского [30, с. 21–22] выделяется группа парадигм императива, словоформы которой «выражают прямое побуждение, которое адресуется одновременно слушающему / слушающим и самому говорящему. <...> Тенденция к грамматикализации наиболее отчетлива у конъюнкций группы <...>, в которых исполнителем совокупно выступают оба участника речевого акта». Это напрямую согласуется с функцией *вишь* — говорящий выражает свое желание обратить внимание собеседника на субъективно важную для него информацию, и это иногда подкрепляется повторением императива в другой форме, как в примере (2). Перечисленное позволяет предположить, что производящей основой для *вишь* в таком употреблении является именно древнерусская императивная форма *вижь*. То же мнение выражено в работе В.Б. Крысько: «Основные изменения в парадигме и функционировании повелительного наклонения: <...> 8) Отмирание особых форм V класса, иногда заменяемых регулярными формами однокоренных глаголов <...> ... форма *вижь* превратилась в частицу *вишь* букв. ‘смотри’» [31, с. 297–298]. Эта точка зрения подтверждается также соответствиями в других славянских языках (по данным Параллельного корпуса НКРЯ):

(5) белорусский:

а. — *Бач, асмялелі без нас... Кружаць вакол плыта.*

б. — *Вишь, осмелели без нас. Кружат возле плота.*

[Павел Мисько. Грот афаліны (1980–1982) | Павел Мисько. Грот афаліны (А. Чеснокова, 1988)].

(6) болгарский:

а. *Ребята говорят, так и катился — со спины на брюхо, с брюха на спину: ползти-то ему по снегу, вишь, не под силу было, — вот он какой!*

б. *Децата казват, така се търкалял — от гръб на корем, от корем на гръб, не е имал сила да пълзи по снега човека, виж го какъв е!*

² Все примеры, кроме специально оговоренных случаев, взяты из Национального корпуса русского языка [28].

³ Наиболее активно частица *вишь* употреблялась с 30-х годов XIX в. по 40-е годы XX в. (представленные примеры иллюстрируют этот период), а затем частота постепенно снижалась; в современных текстах *вишь* используется преимущественно как средство стилизации народной речи.

[Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)].

(7) болгарский:

а. *Федя отвел глаза. — Вишь как... Не спрашивает, понимает, о каком медведе идет речь.*

б. *Федя извърна очи. — Глейти... Не разпитва, разбира за каква мечка става дума.*

[Анатолий Рыбаков. Дети Арбата (1966–1983) | Анатолий Рыбаков. Децата на Арбат (Здравка Петрова, 1988)].

В белорусском языке форма *бач*, как и в русском, грамматикализована, и определяется как производная от *бачыць* ‘видеть’ [32], совпадая при этом с формой повелительного наклонения; в болгарском языке обнаружены два соответствия: *виж* и синонимичное *глей* (‘гляди’), также являющиеся императивными формами.

Таким образом, для контекстов функционирования частицы *вишь* как акцентного маркера возможно предположить, что диахронным источником является императивная форма глагола *видеть*, а возможность контекстуальной замены на презенс 2 л. ед. ч. *видишь* обусловлена сближением формы *вишь* с естественными для разговорной речи фонетически измененными формами (это явление описано в [33, с. 45]), что ставит вопрос о двойной мотивации в отношении использования этой частицы на разных исторических этапах.

В ряде случаев (в сочетании с вопросительными словами *куда*, *каков*, *как*, *сколько*) *вишь* выполняет роль главной клаузы в предложениях, а следовательно, функционирует одновременно как глагол (управляя придаточной частью) и как частица (выступая как триггер презумпции предложения):

(8) — *Вишь, вишь, куда метит, вишь, каков? у! у! а!* [И.С. Тургенев. Контора (1847)].

(9) — *А ты почаще приходи сюда. Бабушка-то Паруша, вишь, как тебя привлекает* [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)].

(10) *Вот я тебе, вишь, сколько хлеба-то оставляю; вишь, не жалею! — присовокупил он, высыпая из мешка почти все свои корки* [Д.В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)].

Контексты, в которых *вишь* равняется по значению вводному сочетанию *видите ли* (как в примере (4)), в значительно меньшей степени проявляют императивное глагольное значение:

(11) *Царю не зазорно, а тебе, вишь, зазорно!* [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)].

(12) *А меня, вишь, давным-давно в покойники записали они: где, дескать, жить ему, давно убит, чай, где-нибудь, — за помин души отслужили, да и дело в шапке* [В.И. Даль. Бедовик (1839)].

(13) — *«Да, голубушка, я лакей.» — Какой-то, вишь, ендараль прїѣхалъ къ нашему барину, и весь въ звѣздахъ; посмотрѣла-бы я на него, что это за ендаралы такіе* [Д.Н. Бегичев. Семейство Холмских. Части 5 и 6 (1832–1841)].

Вишь здесь используется как маркер негативной или иронической оценки при противопоставлении (см. пример (11)) и упоминании третьих лиц (см. примеры (12), (13)). *Вишь* функционирует как частица ввиду десемантизации глагольности и сохранения модальности и интерактивности восприятия важных для говорящего ситуаций, однако сохраняет первичное императивное значение производящей основы.

В электронной пополняемой версии словаря «Прагматические маркеры русской повседневной речи» [34] по отношению к синонимичному *видите ли* функции сформулированы похожим образом: «Отдельного внимания заслуживают также формы *видишь/те ли* <...>: говорящий считает то, что он говорит, важным и таким образом обращает на это внимание собеседника. Интересно, что в таких употреблении *видишь/те ли* является довольно нейтральным, в функции же маркера-ксеропоказателя, которую также можно усмотреть в подобных контекстах, эта форма приобретает экспрессивно-оценочную коннотацию».

Фонетически сближается с *вишь* частица *ишь*. Лексикографические данные о ней в исторических словарях отсутствуют, а современные словари фиксируют значения, близкие к значениям частицы *вишь*, прямо к ней отсылая (см., например, [15, с. 400]); при этом *ишь* может употребляться в тех же синтаксических структурах, что и *вишь*:

(14) *«Ишь куда ползет!» Здесь он опять хлынул его кнутом, примолвил: «У, варвар!»* [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].

(15) *Ишь, какие резвые молодцы! Ишь, как приловчились! Да как они смели, молокососы!* [А.И. Красницкий. Трон и любовь (1910)].

(16) — *Позвольте узнать, что это за потемкинские деревни? — Его не Потемкин фамилия, а Тимохин, — хмуро ответил немолодой рабочий. — А что? Ему тоже приказали. Он себе не хозяин. Ишь чудят. По всей Москве нынче такую карусель строят.* [И. Грекова. Первый налет (1960)].

Ишь чаще, чем *вишь*, употребляется в современных текстах, что иллюстрируется сравнительным графиком частотности употреблений этих двух частиц (по Панхроническому корпусу), см. Рис. 1.

В работе И.Б. Левонтиной [35] для частицы *ишь* выделяются значения: ‘о людях, их деятельности и результатах’, ‘избыток чего-л.’, ‘немедленная реакция на что-л. неожиданное’. Как показывают

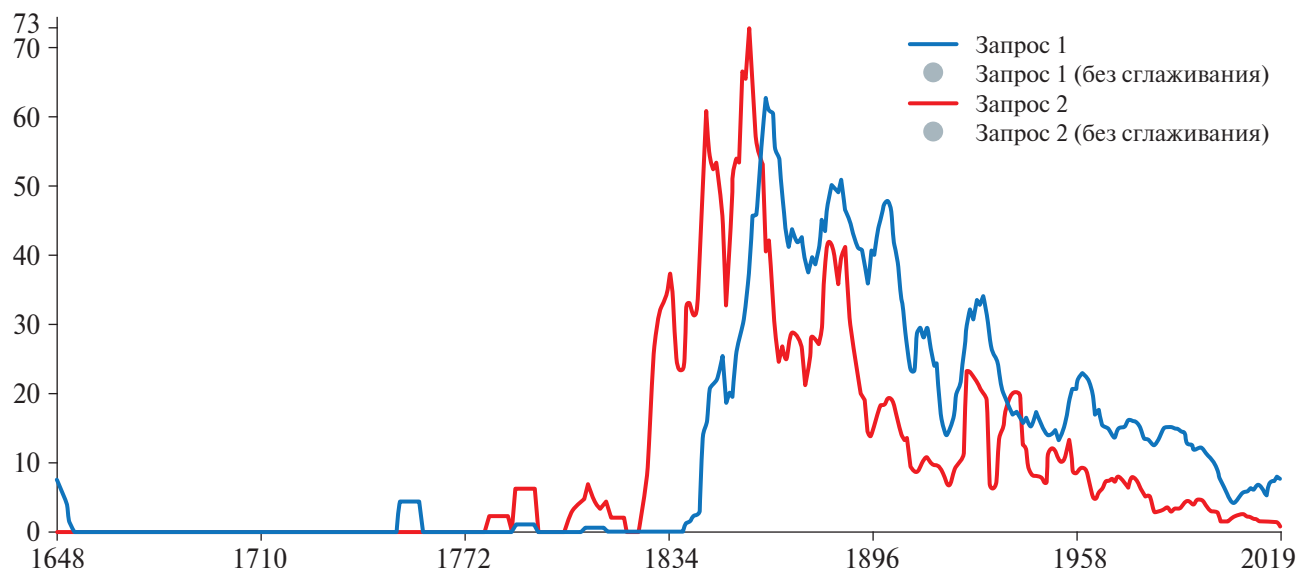

Рис. 1. График частоты употребления *ишь* (запрос 1) и *вишь* (запрос 2) по НКРЯ

примеры, *ишь* в ряде контекстов не демонстрирует взаимозаменяемость с *вишь* и имеет несколько иное семантическое наполнение:

(17) — Дядя он мне. — Дядя? — человек с усами удивленно скосил глаза. — Ну, ну... *Ишь* какой у тебя дядя-то. — А что? — Шибко монету гонит. Коммерсант с рынка [С.С. Заяицкий. Шестьдесят братьев (1927)].

(18) Матвей услышал, как она ласково говорила Маришке: — *Вишь*, какой у тебя тятяшка хороший. Пошел вот в лес и птиц набил [Г.М. Марков. Строговы. Кн. 2 (1936–1948)].

Конструкции примеров (17) и (18) при детальном рассмотрении обнаруживают значительные отличия: у этих высказываний разный просодический контур — в случае с *вишь* естественна нисходящая интонация, а для *ишь* — восходящая; кроме того, *ишь* используется для описания человека, причем описания неоднозначного, с оттенком неодобрения, в то время как *вишь* является именно индикатором акцентирования внимания.

Ввиду вышесказанного возможно предположить, что процесс перехода глагольной формы в частицу *вишь* протекал в двух вариантах — с утратой глагольного значения (которое проявляется в контекстах описания, прежде всего негативного, признака ситуации или объекта речи) и с его сохранением (при явном желании говорящего обратить внимание собеседника на что-либо, а также при усилении интенсивности последующей информации в препозиции перед вопросительными словами). При этом в результате фонетического развития сформировалась частица *ишь*, в современном языке являющаяся более частотной по сравнению с *вишь*.

3. Глядеть и глядь, глянь, гля, ля

Глядеть в современных толковых словарях определяется набором следующих значений: ‘направлять взор на кого-л.’, ‘иметь какую-л. точку зрения на что-л.’, ‘наблюдать, заботиться о ком-чем-л.’, ‘внимательно смотреть на кого-, что-л.’, ‘быть направленным в какую-л. сторону’, ‘виднеться’, ‘напоминать кого-л.’ [22, с. 528].

Словообразовательный словарь А.Н. Тихонова [16, с. 124] дает 49 производных от этого глагола слов, без учета частиц. Между тем, на современном этапе развития языка именно этот глагол является одной из наиболее продуктивных для партикуляции основ — от него образуются частицы *глянь*, *гля* (и амплификат *гля-гля*), *ля* и *глядь*.

Глянь в современном русском языке занимает промежуточное положение между глаголом и собственно частицей. Этому способствует сохранение в глагольной парадигме современного русского языка омонимичной формы повелительного наклонения (в отличие от *вижь*, послужившей основой для *вишь* и являющейся древнерусской формой, не употребляющейся на современном этапе в первичном глагольном значении):

(19) — *Глянь*, — говорит, — на это дерево! Я *поглядел*, — дерево как дерево, — ничего особенного нет. Говорю ему: — Я *ничего не вижу* [Н.С. Лесков. Темняк (1880–1890)].

При этом в части контекстов трудно однозначно дифференцировать глагольное императивное и партикулярное употребление:

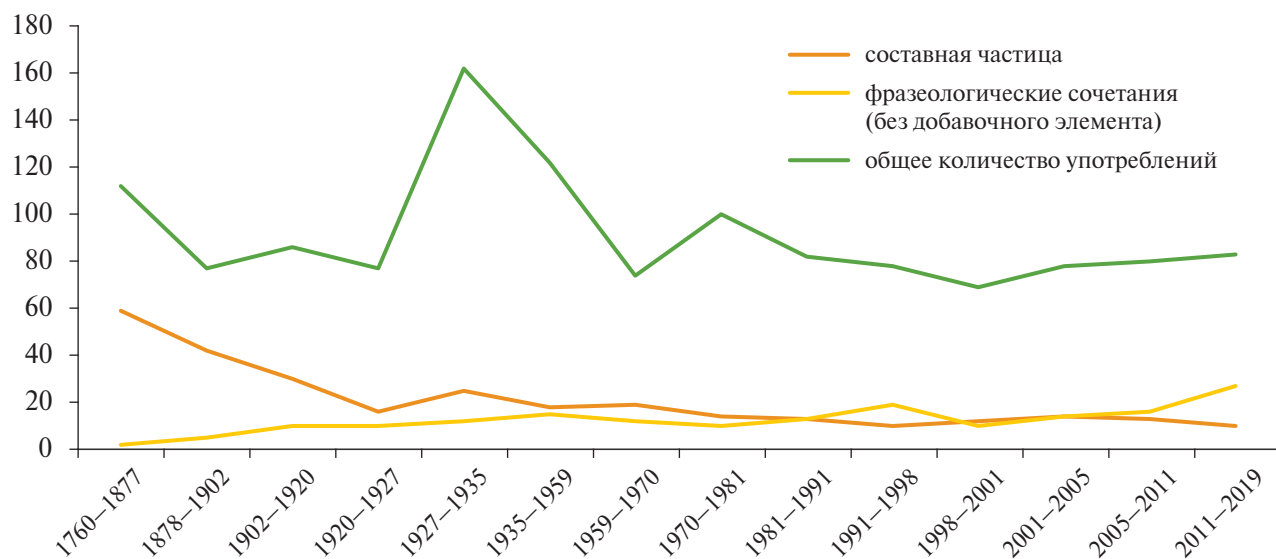

Рис. 2. График частоты употребления формы *глянь* в сочетании с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) в сравнении с общим количеством употреблений

(20) *На забор прыгала, здоровущая, а забор-то у нас большой-большаинский... Глянь какой!* [С.Н. Сергеев-Ценский. Бабаев (1906–1907)].

В примере (20) указание на невербальный жест подчеркивает прямое значение зрительного восприятия, а следовательно, и глагольную семантику лексемы *глянь*, однако эмоциональность контекста, выраженная повторяющейся описательной конструкцией и усилительным словом *какой*, сближает рассматриваемую лексику с частицами — говорящий обращает внимание собеседника на что-либо, желая разделить с ним положительную оценку.

То же справедливо и для контекстов с повтором формы в сочетании с частицей *-ко* (встречаются также формы с *-ка*, *-кось*, *-кась*):

(21) *Худошава лошадь директора гимназии, скромно питаемая пансионским овсом, вдруг почему-то вздумала молодецество пороть землю ногою и тем ужасно расшвыряла длинновязого дуралея, ассессорского кучера. — Глянь-ко, глянь, как лапы выкидывает!.. Штукарка же она, паря, у тебя! — сказал он директорскому кучеру* [А.Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)].

(22) — *Глянь-ка, малый, да ты левое ухо отморозил* [Вл.А. Гиляровский. Мои скитания (1927)].

Для рассматриваемой единицы сочетание с *-ко* и другими вариантами этой частицы является характерным: из 1236 вхождений в Панхроническом корпусе 295 — составные, причем количество употреблений снижается с середины XX в. (периоды обозначены в соответствии с 50 текстами выдачи поискового запроса, см. рис. 2).

График показывает, что количество употреблений с *-ко* (*-ка*, *-кось*, *-кась*) постепенно снижается, что может быть связано с семантической нагрузкой добавочного компонента. И.Б. Левонтина отмечает, что «если высказывание само по себе является побудительным, то введение *-ка*, за счет элемента смысла ‘говорящий хочет...’, усиливает побудительный смысл [36, с. 136].

В противоположность этому процессу увеличивается количество фразеологизированных употреблений *наречие + ни глянь* (*куда ни глянь*, *как ни глянь*), в которых нивелируется побудительность. Кроме того, *глянь* в этих сочетаниях является полностью грамматикализованной, неизменяемой формой (контексты вроде **куда ни глянь-ка* вряд ли возможны).

Интересно, что в оценочных описательных контекстах *глянь* употребляется в тех же конструкциях, что и *вишь* (в препозиции перед существительным с определением или без него), но, в отличие от *вишь*, маркирует позитивную оценку высказываний:

(23) *Откуда берется у нее все это? И светскость, и остроумие, и кокетство! Вот оно, что значит кровь! Думаешь, нигилистка, нигилистка, а тут, глянь, — светская барышня!* [С.В. Ковалевская. Нигилистка (1884)].

Встречаются также контексты с обеими лексемами:

(24) *А он-то кормилец наш... Глянь на него: вишь тихий какой? Нешто кулаки такие?* [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989–1993)].

(25) — *Что ты на нас, касатик? разве мы? — бойко возразили две бабы, торопливо сбрасывая платки,*

— *вишь* вон энта-то... *глянь-кась*, *вишь* что навертела! [Д.В. Григорович. Переселенцы (1855–1856)].

Пример (24) отличается от ранее представленных наличием дополнения *на него*, что может указывать на функционирование формы *глянь* в этом контексте в качестве глагола; однако как было описано выше по отношению к *вишь*, дискурсивно продуктивные формы, находящиеся на промежуточном этапе партикуляции, могут брать на себя роль управления; особенностью формы *глянь* является возможность управления предложно-падежными формами. Если в примере (24) нельзя отрицать явную глагольность *глянь*, то в следующих примерах она значительно десемантизирована:

(26) *Да ничего. Надо поосторожнее теперь. Ты иди глянь на этого бухгалтера! Глянь! Нож воткнёт и не задумается! Бухгалтер!* [Василий Шукшин. Калина красная, к/ф (1973)].

(27) — *Тож не подходит, — не сдержался Векшин, — камердинер тот же лакей, ему ливрея положена, а ты глянь на себя, ровно пугало в баретках на босу ногу* [Л.М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927, 1959)].

(28) — *Нет, ты только глянь на эту неряху* [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)].

(29) *Гляньте на него — историю изучал! — дразнил и неистовствовал Нестор* [Юрий Казаков. Нестор и Кир (1961)].

Иллюстративный материал показывает, что *глянь* может употребляться с обозначением собеседника (27), третьего лица, в том числе и в пренебрежительной речи (28), с усилителем побудительности в виде глагола движения *иди* (26) и в форме множественного числа для обозначения некоторого множества лиц, чье внимание привлекается к какому-либо объекту (29), причем подобная ограниченная изменяемость свидетельствует о незавершившейся партикуляции лексемы *глянь*. В примерах (26)–(29) конструкция с *глянь(-те)* функционирует как обозначение резко негативной оценки ‘обрати(-те) внимание на то, какими очевидно отрицательными качествами обладает объект речи’.

Переводные эквиваленты *глянь* в белорусском и болгарском языках передаются формами повелительного наклонения и будущего времени:

(30) белорусский:

а. — *Глядзі, каго мы прывезлі, — прагучала над самым вухам, і Якаў з вялікай напругаю адкрыў вочы.*

б. — *Глянь, кого мы прывезлі, — прозвучало над самым ухом, і Яков с огромным усилием открыл глаза.*

[Леанід Дайнека. Меч князя Вячкі (1987) | Леонид Дайнеко. Меч князя Вячки (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)].

(31) болгарский:

а. *Днес си стъпил тук на твърдо, а като идеш утре и погледнеш — на същото място гьол!*

б. *Сегодня ты здесь посуху ступал, а наутро глянь — трясина!*

[Андрей Гуляшки. История с кучета (1984) | Андрей Гуляшки. История с собаками (С. Драгомирецкий, 1984)].

(32) болгарский:

а. *А вон и дедя с Федькой, глянь!*

б. *А это го и дядо с Федка, гледай!*

[Борис Полевой. Повесть о настоящем человеке (1946) | Борис Полевой. Повест за истинския човек (Кирила Георгиева, 1980)].

Таким образом, лексема *глянь* в современном русском языке находится в промежуточном положении между глаголом и частицей, в дискурсивном употреблении функционирует для привлечения внимания лица или группы лиц, к которым обращена речь, с целью побуждения к той же оценке объекта или ситуации, которую предлагает говорящий.

Другое образование от глагольной основы *глядеть* — лексема *глядь*, зафиксированная в части словарей ([15]; [21] и [26]) как междометие, а в словарях С.И. Ожегова [37] и Т.Ф. Ефремовой [38] — как частица; к ней в «Большом толковом словаре русского языка» [21] приравнена частица *гляди*, являющаяся, по всей видимости, более ранней формой в словообразовательном плане.

Проблема различения частиц и междометий актуальна в современном лингвистическом дискурсе: «Эмоционально-экспрессивные частицы, выражающие различные эмоциональные характеристики: угрозу, удивление, недовольство, досаду, иронию, насмешку (“вишь”, “ж”, “ишь”, “просто”, “прямо”) некоторые исследователи относят к междометиям как слова, обслуживающие сферу эмоций <...> В.В. Виноградов отнес к классу междометий неизменяемые слова, произведенные от однократных глаголов и выражающих краткое и внезапное действие (напр., “глядь”, “шась”, “прыг”, “толк”); такие слова иногда называют глагольными междометиями или междометными глаголами» [39, с. 839, 337].

В [40, с. 18] содержится словарная статья о составной частице *ан глядь* со значением ‘служит для выражения резкого, иногда неожиданного противопоставления содержания одной части высказывания содержанию другой’. Сформулированное значение позволяет рассматривать эту единицу (как представляется, и в простой форме *глядь*) в рамках категории митаривности. В работе В.С. Храковского [41, с. 619] приводится определение митаривности (или адмиративности) как категории, которая «характеризует информацию, получаемую говорящим (из какого-либо источника или с помощью анализа некоторых наблюдаемых фактов, или с помощью собственного умозаключения, или путем непосредственного наблюдения),

как соответствующую его картине мира или как несоответствующую»; в работе В.А. Плунгяна [42, с. 374–375] содержится указание на то, что мимативное значение является модальным, так как связано с особым видом суждения.

Именно модальная составляющая рассматриваемой единицы, на наш взгляд, является главным аргументом для отнесения ее к частицам, так как прагматическая эпистемическая надстройка в значении лексемы *глядь* в большей степени указывает на состояние говорящего и его восприятие некой ситуации, чем на выражение эмоции удивления в чистом виде.

Наиболее типичными являются контексты употребления *глядь* в структуре «ситуация 1, *глядь* — неожиданная ситуация 2»:

(33) *Я сбирался уж выбить окно... глядь! слава богу, проснулись.* [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)].

(34) *Как заглянул он в одну комнату — нет; в другую — нет; в третью — еще нет; в четвертой даже нет; да в пятой уже, глядь — сидит сама, в золотой короне, всерой новехонькой свитке, в красных сапогах и золотые галушки ест.* [Н.В. Гоголь. Пропавшая грамота (1831–1832)].

Встречаются контексты (преимущественно диалектные), в которых форма *глядь* употреблена в значении рассмотренных ранее *глянь* и *вишь*:

(35) *Глядь-ка сюда, боярин, видишь — чернеется вдали?* [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(36) *Прожила во восемьдесят лет пролепотала глядь сколько.* [Рассказ Родиной о потере слуха (Калужская область, 1988)].

(37) *Медведя и то/говорю/выламывают/я в Москве видела/глядь/как выламывают!* [О жизни (Деулино, Рязанский район, Рязанская область, 1961)].

Так как лексема *глядь* имеет значение неожиданности, она может сочетаться с «блуждающей» частицей *-то*, привносящей в контекст значение невыгодной для объекта речи ситуации, которую, ввиду определенных факторов, возможно было бы предусмотреть, но которая стала очевидной в неудобный момент:

(38) *Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок, к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабы, женины, — мадам Барабанчикова, и удостоверение — беременная!* [М.А. Булгаков. Бег (1937)].

(39) *Эта весть о взыскании подушных сильно озаботила его. Первому указу он не придал значения. Ан глядь, срок-то и подошел. Еще бы!* [Ф.Е. Зарин-Несвицкий. Тайна поповского сына (1913)].

Показателем большей грамматикализованности, по сравнению с *глянь*, является также неизменяемость формы числа при согласовании с актантом во множественном числе:

(40) *Мы глядь туда, сюда! где Федька Хомяк?* [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(41) *А на следующий день ведьма вышла из своей избы, мы глядь — а у нее рука замотана тряпкой.* [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987)].

В других славянских языках *глядь*, в отличие от рассмотренных ранее лексем, передается широким арсеналом синонимичных разнокоренных форм глаголов зрительного восприятия:

(42) белорусский:

а. *А ты і праўда з баярскага роду. Бач, якая апрадка багатая на табе.*

б. *А ты і правда боярского рода. Глядь, какая богатая одежка на тебе.*

[Леанід Дайнека. След ваўкалака (1988) | Леонид Дайнеко. Тропой чародея (Г. Шарангович, Г. Попов, 1990)].

(43) белорусский:

а. *Тады я зірк — божа мой, трэба было і мне з мамай ісці!*
б. *Тогда я глядь — боже мой, надо было и мне с мамой ити!*

[Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Уладзімір Калеснік. Я з вогненнай вёскі... (1975) | Алесь Адамовіч, Янка Брыль, Владимир Колесник. Я из огненной деревни... (Д. Ковалев, 1977)].

(44) болгарский:

а. *Чуть отвлечешься, глядь — стула нет.*

б. *Малко да се разсееш и току виж — столът го няма.*

[А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Парень из преисподней (1974) | Аркадий Стругацки, Борис Стругацки. Човекът от преизподнята (Маргарита Златарова, 1997)].

(45) болгарский:

а. *А сегодня стал проверять кассу, глядь, а вместо денег — резаная бумага.*

б. *А днес, като седнах да проверя касата, гледам — вместо пари нарязани хартийки.*

[Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) | Михаил Булгаков. Майстора и Маргарита (Лиляна Минкова, 1989)].

Перечисленные иноязычные примеры являются иллюстрацией универсальности семантики глаголов зрительного восприятия и их взаимозаменяемости в контекстах, интенционально обусловленных привлечением чьего-либо внимания.

В русском языке производные от таких глаголов формы объединены общим акцентным значением, но выбор конкретной языковой единицы обусловлен методами, которыми это внимание будет достигнуто: усиление через дополнительную информацию (для *вишь*), общность эмоциональной сферы (для *глянь*), неожиданное противопоставление (для *глядь*).

Частица *гляди*, помимо характерного и для *глядь* значения неожиданного эффекта, употребляется в значениях ‘весьма вероятно’, ‘как оказывается’, а междометие — как возглас для выражения предостережения [43]. Примечательно, что для *гляди* наиболее характерно именно значение предугадывания, обращения к предполагаемому будущему — то есть, в отличие от других частиц этой группы, акцентирование внимания второго участника коммуникации не на окружающем мире, а на абстрактной временной шкале. Эта лексема используется в контекстах ожидаемого ненаступившего результата, в противоположность значению внезапности, неожиданности в *глядь*:

(46) *Вот я посмотрю недельку время, да к штурвалу его поставлю... А там, гляди, лоцманом будет...* [Максим Горький. Фома Гордеев (1899)].

(47) *Отчетливее стали видны льдины на море, между ними сновали, гоняясь за моржами, вельботы. — Пошли, ребята, — поднимаясь, сказал Рычип. — А то, гляди, и поесть нам ничего не оставят.* [Юрий Рытхэу. Время таяния снегов (1967)].

(48) *Гляди, дадут вам конец. Расшеперились, а сами на смерть лезете.* [Л.Н. Сейфуллина. Виринея (1924)].

Результат транспозиции императивной формы в данном случае отличается от других рассматриваемых в этой статье частиц, так как в ряде контекстов (как в (46)–(48)) практически утрачивается значение побудительности.

Частицы, образованные от глаголов зрительного восприятия, получают дальнейшее развитие в фонетическом упрощении. Так, для частицы *глянь* характерно также употребление в редуцированной форме *гля*:

(46) *Солнце, гля-кошь, куда влезло, почти в обеды.* [М.А. Шолохов. Путь-дороженька (1925)].

(47) *До собрания всегда за час околачиваются рязанские писатели, дома-то делать нечего, — а тут, гля, пустая комната.* [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967–1974)].

Характерная для разговорной устной речи краткость обусловила развитие амплифицированной формы:

(48) — *Гля, гля, пошел!.. Серый, как выточенный из самородного камня, стоял зверь, палкой вытянув хвост.* [М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940)].

В НКРЯ содержится только один пример (48) подобного употребления, но в современной художественной прозе, заметках в СМИ и социальных сетях эта частица активно используется:

(49) *Она услышала за спиной: «Гля-гля, за углом — с пустой головой идет.»* [44].

(50) *Но вот начинал светиться экран, и все замирали, словно впервые увидев чудо. Лишь изредка пронесется шепот: «Гля, гля, Москва!.. Надо ж — тысяча верст и как будто вот она...»* [45].

(51) *Это невероятное чувство, когда ты видишь хорошо. Я ещё месяц всех донимал фразами — гля, гля вон номер на машине вижу* [46].

Во всех приведенных примерах форма с повтором усиливает намерение говорящего привлечь внимание собеседника в сопровождении с эмоциональной оценкой, следовательно, повторяет значение частицы *глянь*, и в примерах (48) и (50) может быть заменена амплификатом ее полной формы (например, *глянь, глянь, Москва!* или *глянь-ка, глянь, Москва!*). При этом в других примерах такая замена не представляется возможной без искажения смысла: в (49) основной функцией частицы является не акцентирование чьего-либо внимания, а передача пренебрежительной оценки самим говорящим; факт зрительного восприятия здесь находится на периферии, так как устанавливается через сравнение внешнего вида объекта речи (отсутствие головного убора) с общепринятыми, по мнению говорящего, нормами. В контексте (51) частица по значению сближается с *глядь*, так как передает усиленное удивление, но без называния ситуации, предшествующей неожиданному результату.

В социальных сетях и сленговой речи в последние 3–4 года возникла вторично редуцированная частица *ля*, являющаяся сокращением от *глянь* (через *гля*) и ставшая широко употребительной в составе интернет-мема «Ля ты крыса», который обозначает хитрого человека, ищущего личную выгоду путем обмана. Специфика интернет-коммуникации и функционирования «новой фразеологии» обуславливает минимальное контекстуальное окружение: общедоступные тексты, как правило, состоят из комментариев, которые являются реакцией на исходный текст, а потому зачастую ограничиваются устойчивой конструкцией, которая, как предполагается, является известной для всего круга адресатов:

(52) *ля ты крыса* [Rozetked Discuss. Telegram (11.01.2021)].

Скорость трансформации фразеологизмов в интернет-коммуникации обусловила следующие ветви преобразования первичной конструкции (далее в виде цитаты приводятся примеры из подкорпуса «Социальные сети» НКРЯ, орфография сохранена; остальные предложения существуют как текстовая составляющая графического материала):

ля + местоимение-существительное + зооним (*ля ты кот, ля ты лиса*);

15. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1985. Т. 1. А–Й. 702 с.
16. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 3-е изд. М., 1996. 576 с.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. В – ВОЛОГА / Гл. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1975. 319 с.
18. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3 (Вѣк – Воздуть) / Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1987. 296 с.
19. Большой академический словарь русского языка. Т. 2. Благо – Внять / Гл. ред. К.С. Горбачевич. СПб.: Наука, 2005. 658 с.
20. Морковкин В.В. Большой универсальный словарь русского языка. Том I. А–О / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: АСТ-ПРЕСС, 2022. 1472 с.
21. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.
22. Академический толковый словарь русского языка. Том 1: А – ВИЛЯТЬ / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 672 с.
23. Академический толковый словарь русского языка. Том 2: ВИНА – ГЯУР / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 680 с.
24. Сичинава Д.В. Части речи // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III: Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 9–39.
25. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / Н.Ю. Шведова, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко и др. М., 1980. 717 с.
26. Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.», ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
27. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Вып. 7 (вершы – внятыяII) / А.Е. Аникин. М.: Ин-т рус.яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2013. 352 с.
28. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2024).
29. Добрушина Р.Н. Повелительное наклонение // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 498–500.
30. Храковский В.С. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. М.: Едиториал УРСС, 2001. 271 с.
31. Крысько В.Б. Повелительное наклонение // Историческая грамматика русского языка: Энциклопедический словарь / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2020. С. 296–300.
32. Беларуска-расійскі слоўнік. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. Факсімільнае выданьне: Менск: Народная асвета, 1993. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]: <https://slounik.org/search?dict=&search=%D0%B1%D0%B0%D1%87&un=1> (дата обращения: 07.05.2024).
33. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 283 с.
34. Богданова-Бегларян Н.В. (сост.) Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Н.В. Богданова-Бегларян (сост.). СПб.: Нестор-История, 2021. 517с.
35. Левонтина И.Б. Ишь // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / Ю.Д. Апресян (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–318.
36. Левонтина И.Б. Словарная статья частицы -КА // Семиотика и информатика. 1991. № 32. С. 136–140.
37. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.:Азъ, 1992. 960 с.
38. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 1. А–Л. М.: АСТ, 2000. 1168 с.
39. Шведова Н.Ю. Междометия / Н.Ю. Шведова, доп. Р.Н. Добрушиной // Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. А.М. Молдован. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. С. 337–338.
40. Пахомов В.М. Трудные случаи русской пунктуации: Словарь-справочник / В.М. Пахомов, В.В. Свинцов, И.В. Филатова. М.: Эксмо, 2012. 576 с.
41. Храковский В.С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность / В.С. Храковский // Эвиденциальность в языках Европы и Азии : сборник статей памяти Н.А. Козинцевой. СПб.: Наука, 2007. 634 с.
42. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2009. 383 с.
43. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 2006.
44. Марийская правда. [Электронный ресурс]: <https://www.marpravda.ru/news/society/vse-delo-v-shlyape/> (дата обращения: 03.05.2024).
45. Можяев А.Н. Мокеич. [Электронный ресурс]: <http://pro-don.dspl.ru/quoteinfo/hutor-durnovka-v-vospominaniyah-o-detstve> (дата обращения: 03.05.2024).
46. Pikabu.ru. [Электронный ресурс]: https://pikabu.ru/story/miopiya_blizorukost_9204307 (дата обращения: 03.05.2024).

REFERENCES

1. *Russkaya grammatika. T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya.*

- [Russian Grammar. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow, 1982. 783 p. (In Russ.)
2. Nikolaeva, T.M. *Neparadigmatische lingvisti-ka (Istoriya "bluzhdayushchikh chastic")* [Nonparadigmatic Linguistics (The History of "Wandering Particles")]. Moscow: Languages of Slavic cultures Publ., 2008. 376 p. (In Russ.)
3. Zaliznyak, A.A. *Drevnerusskie enklitiki* [Ancient Russian Enclitics]. Moscow: LRC Publishing House, 2008. 280 p. (In Russ.)
4. Starodumova, E. A. *Russkiechasticy* [Russian Particles]. Vladivostok, 1997. 68 p. (In Russ.)
5. Levontina, I.B. *Chasticy rechi* [Particles of Speech]. Moscow, 2022. 431 p. (In Russ.)
6. Pekelis, O.E. *Ob odnom sluchae pragmatikalizacii v russkom yazyke: mikrodiahronicheskoe issledovanie chasticy zhe v sostave voprosa* [A case of Pragmatization in Russian: Microdiachronic Analysis of the Particle *že* in Questions]. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. 2020, No. 9(1), pp. 340–361. (In Russ.)
7. Glagoleva, A.S. *Bish: bayat' ili byt'? O proiskhozhdenii odnoj chasticy* [Bish: Bayat' or Byt'? About the Origin of One Particle]. *Russkaya rech* [Russian Speech]. 2024, No. 1, pp. 60–69. (In Russ.)
8. Anikin, A.E. *Russkij etimologicheskij slovar. Vyp. 3 (be – boldyhat')*. [Russian Etymological Dictionary. Vol. 3 (Be – Boldyhat')]. Moscow: Handwritten monuments of Ancient Russia Publ., 2009. 344 p. (In Russ.)
9. Fasmer, M. *Etimologicheskij slovar russkogo yazyka. T. 1 (A–D)*. [Etymological Dictionary of the Russian Language. Vol. 1 (A–D)]. Moscow: Progress Publ., 1986. 574 p. (In Russ.)
10. Kopečný, F. *Etymologický slovník slovanských jazyků – Slova gramatická a zájmena. Sv. 2, Spojky, částice, zájmena a zájmennáadverbia* [Etymological Dictionary of Slavic Languages-Grammatical Words and Pronouns. Vol. 2, Conjunctions, Particles, Pronouns and Adverbs]. 1980. 783 p. (In Czech)
11. Shanskiy, N.M. *Kratkij etimologicheskij slovar russkogo yazyka. Posobie dlya uchitelya* [A Short Etymological Dictionary of the Russian Language. Teacher's Manual]. S.G. Barkhudarov (Ed.), Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p. (In Russ.)
12. Maysak, T.A. *Tipologiya grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizheniya i glagolami pozicii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Movement and Verbs of Position]. Moscow: LRC Publishing House, 2005. 471 p. (In Russ.)
13. Karpusheva, G.A. *O diapazone glagolov zritel'nogo vospriyatiya v lingvisticheskoy literature* [On the Range of Visual Perception Verbs in Linguistic Literature]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and Language in the Communicative Space]. 2019, No. 10, pp. 34–39. (In Russ.)
14. Glovinskaya, M.Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenij russkogo glagola* [Semantic Types of Specific Oppositions of the Russian Verb]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 155 p. (In Russ.)
15. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 Volumes]. Evgenieva, A.P. (Ed.). Vol. I. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1985. 702 p. (In Russ.)
16. Tikhonov, A.N. *Shkolnyj slovoobrazovatelnyj slovar russkogo yazyka*. [The School's Word-Formation Dictionary of the Russian Language.]. 3rd ed. Moscow, 1996. 576 p. (In Russ.)
17. *Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2. V – VOLOGA* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries. Iss. 2. VOLOGDA]. S.G. Barkhudarov (ed.). Moscow: Nauka Publ., 1975. 319 p. (In Russ.)
18. *Slovar russkogoyazyka XVIII v. Vyp. 3 (Vek – Vozduvat')* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century. Iss. 3 (Vek – Vozduvat')]. Yu. S. Sorokin (Ed.). Leningrad: Nauka Publ., 1987. 296 p. (In Russ.)
19. *Bolshoj akademicheskij slovar russkogo yazyka* [The Large Academic Dictionary of the Russian Language]. S.A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 1534 p. (In Russ.)
20. Morkovkin, V.V. *Bolshoj universalnyj slovar russkogo yazyka. Tom I. A–O* [A Large Universal Dictionary of the Russian Language. Vol. I. A–O]. Moscow: AST-PRESS Publ., 2022. 1472 p. (In Russ.)
21. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The large explanatory dictionary of the Russian language]. S. A. Kuznetsov (Ed.). St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 1534 p. (In Russ.)
22. *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo yazyka. Tom 1: A – VILYAT'* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A – VILYAT']. L.P. Krysin (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2016. 672 p. (In Russ.)
23. *Akademicheskij tolkovyj slovar russkogo yazyka. Tom 2: VINA – GYAUUR* [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 2: VINA – GYAUUR]. L.P. Krysin (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2016. 680 p. (In Russ.)
24. Sichinava, D.V. *Chasti rechi* [Parts of Speech]. *Materialy k korpusnoj grammatike russkogo yazyka. Vypusk III :Chasti rechi i leksiko-grammaticheskie klassy* [Materials for the Corpus Grammar of the Russian Language. Issue III: Parts of Speech and Lexico-Grammatical Classes]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 9–39. (In Russ.)
25. *Russkaya grammatika. T. 2: Sintaksis* [Russian Grammar. Vol. 2: Syntax]. Moscow, 1980. 717 p. (In Russ.)
26. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka. T. 1: A – Kyuriny* [Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1: A – Kyuriny]. D.N. Ushakov (Ed.). Moscow, 1935. (In Russ.)

27. Anikin, A.E. *Russkij etimologicheskij slovar. Vyp. 7 (versh' I – vnyat'sya II)*. [Russian Etymological Dictionary. Vol. 7(versh' I – vnyat'sya II)]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 352 p. (In Russ.)
28. *Natsionalny korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (date of application: May 7, 2024) (In Russ.)
29. Dobrushina, R.N. *Povelitelnoe naklonenie* [Imperative]. *Russkij yazyk: enciklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. A.M. Moldovan (Ed.). 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 498–500. (In Russ.)
30. Khrakovskiy, V.S. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and Typology of the Imperative. The Russian Imperative]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 271 p. (In Russ.)
31. Krysko, V.B. *Povelitelnoe naklonenie* [Imperative]. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka: Enciklopedicheskij slovar* [Historical Grammar of the Russian Language: An Encyclopedic Dictionary]. Krysko, V.B. (Ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2020, pp. 296–300. (In Russ.)
32. *Belaruska-rasijski sloynik* [Belarusian-Russian Dictionary]. URL: <https://slounik.org/search?dict=&search=%D0%B1%D0%B0%D1%87&un=1> (date of application: May 7, 2024).
33. Zemskaya, E.A. *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian Colloquial Speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka Publ., 1983. 283 p. (In Russ.)
34. Bogdanova-Beglaryan, N.V. *Pragmaticheskie markery russkoj povsednevnoj rechi: slovar-monografiya* [Pragmatic Markers of Russian Everyday Speech: A Monograph Dictionary]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2021. 517 p. (In Russ.)
35. Levontina, I.B. *Ish' [Ish']*. *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kultura* [The Innermost Meanings. Word. Text. Culture]. Yu.D. Apresyan (Ed.). Moscow: LRC Publishing House, 2004, pp. 305–318. (In Russ.)
36. Levontina, I.B. *Slovarnaya statya chasticy -KA* [Dictionary Entry of the Particle -KA]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science]. 1992, No. 32, pp. 136–140. (In Russ.)
37. Ozhegov, S.I. *Tolkovyj slovar russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory Dictionary of the Russian Language : 72500 Words and 7500 Phraseological Expressions]. Moscow: Az Publ., 1992. 960 p. (In Russ.)
38. Efremova, T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. V 3 t. T. 1. A–L*. [A Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. In 3 Vols. Vol. 1. A–L.]. Moscow: AST Publ., 2000. 1168 p. (In Russ.)
39. Shvedova, N.Yu. *Mezhdometiya* [Interjections]. *Russkij yazyk: enciklopediya* [Russian Language: Encyclopedia]. A.M. Moldovan (Ed.). 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SHKOLA Publ., 2020, pp. 337–338. (In Russ.)
40. Pakhomov, V.M. *Trudnye sluchai russkoj punktuacii: Slovar-spravochnik* [Difficult Cases of Russian Punctuation: A Reference Dictionary]. Moscow: EKSMO Publ., 2012. 576 p. (In Russ.)
41. Khrakovskiy, V.S. *Evidencialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost* [Evidentiality, Epistemic Modality, (Ad)Mirative]. *Evidencialnost v yazykah Evropy i Azii: sbornik statej pamyati N.A. Kozincevoj* [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: a Collection of Articles in Memory of N.A. Kozintseva]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 634 p. (In Russ.)
42. Plungian, V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammatical Systems of the Languages of the World]. Moscow, 2009. 383 p. (In Russ.)
43. Efremova, T.F. *Bolshoj sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka. T. 1* [A Large Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 1]. Moscow, 2006. (In Russ.)
44. Mariiskaya pravda. URL: <https://www.marpravda.ru/news/society/vse-delo-v-shlyape/> (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)
45. Mozhaev, A.N. Mokeich. URL: <http://pro-don.dspl.ru/quoteinfo/hutor-durnovka-v-vospominaniyah-odetstve> (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)
46. Pikabu.ru. URL: https://pikabu.ru/story/miopiya-blizorukost_9204307 (date of application: May 3, 2024) (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 8 августа 2024 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 13 августа 2024 г.
 Статья принята к публикации: 15 августа 2024 г.
 Дата публикации: 31 октября 2024 г.

Received by Editor on August 8, 2024
 Revised on August 13, 2024
 Accepted on August 15, 2024
 Date of publication: October 31, 2024